

Жир – стране, аттестат – жене.

Владимир Каткевич

Переход

Мглистым декабрьским утром из гавани Ливерпуля, еще не побратима Одессы, но уже ставшего родиной Ринго Стара, будущему солисту группы Битлз исполнился пятый годик, снялось в рейс внушительное судно непонятного назначения, корму венчали две убедительные круглого сечения трубы, соединенные аркой балки. В кильватере, приплясывая на усах буруна, следом за маткой поспешал выводок из шести паровых малышей. Шестеро близнецов были совсем крохами, метров по 45, не более и рылись, пропадали в волнах, а двое выглядели чуть постарше, длина их достигала метров по 60, как будто они были из более раннего помета и успели подрасти. Флагман зычно и торжественно загудел. Прощальный крик пробирал. Лоцман сглотнул ком в горле, он видел флотилию в последний раз, сработанную из бирмингемской стали, честно склепанную на верфях Ньюкастла. Промысловые пароходы передали по репарации СССР, и теперь, получается, уводили из стойла. — Семь футов, — сказал по-русски лоцман, протягивая руку с наколочкой lend-leez сначала капитану Алексею Солянику потом норвежскому капитану-гарпунеру Сигурду Нильсону. Лоцман участвовал в конвоях, запомнил, что спирт по-русски шило, в памяти задержались без дела еще несколько обиходных фраз, слова в них британец не шибко разделял на печатные и матросские. - Good luck! — пожелал Соляник. Пока второй помощник, соблюдая субординацию, приветливо улыбался с крыла мостика, ему ветром загнуло ус. Усы, как у Сталина, — подумал лоцман. Второй помощник встречал у Медвежьего союзнические конвои. Председатель союза гарпунеров Норвегии Сигурд Нильсон, уроженец Хаммерфеста, самого северного города мира до закладки заплярного Норильска, помнил как летающие лодки Блом и Фос - 138, барражировали над топами его охотника с торпедами в предбрюшье и стремились за горизонт топить эти самые конвои. Председатель Союза гарпунеров Норвегии Нильсон шел в рейс техническим руководителем промысла. Находившиеся у него а подчинении норвежские инструкторы были распределены на участке разделки китов и в заводе, капитан-гарпунерами, штурманами и матросами на охотниках. Лоцман ступил на скользкую балясину шторм-трапа, курносый матрос цепко и надежно придержал его за подмышку, мешая нашить следующую балясину. Когда матрос отпустил лоцмана, ладонь его по привычке потянулась к виску. Матроса, как и многих, направили на флотилию сразу после увольнения из военно-морского флота. Комсостав укомплектовали тоже флотскими офицерами, механиками, штурманами, навигаторами, технологами в цеха, нижние чины их называли головастиками, матросу впопыхах не объяснили, положено на базе отдавать честь гражданскому головастику или нет. Лоцман спрыгнул на мокрый от брызг форпик пляшущего катера, привычно ухватился за обойму, спаренного пулемета мэдсон, торчавшую вверх, как рог — шел сорок шестой год, лоцбот не успели разоружить. На юте флагмана замычала корова, темнокожий рулевой-барбадосец переложил штурвал катера и улыбнулся, оскалив кукурузные зубы, часть провизии русские везли живьем. Усатый русский штурман наклонился с крыла мостика базы, что-то разглядывая по корме. Из его густых усов торчала, как клык у нарвала, толстая папираса. Пачка таких же презентованных папирос с силуэтом всадника на фоне заснеженных вершин лежала у лоцмана в кармане канадки. Pilot валко, но настойчиво поскакал к дымам Ливерпуля. Флотилия долго отстаивалась, лоцман привык видеть с рейдовых стоянок раздвоенные трубы с таями козлового крана между ними, а сейчас пейзаж был ненасыщен, это сгущало горечь, нелогичный уход ее к другому хозяину выглядел несправедливой потерей последнего, кровного. Охотники и матка заложены были еще в 29-ом по солидному германскому заказу, заказчик же нарек базу Викинг, приоритеты диктовала политическая обстановка. Финансировалось строительство скудно, с перебоями, сначала за горло взял кризис, потом субмарины были нужнее Германии, чем киты. С приходом к власти Гитлера Королевство уже сознательно заморозило строительство, потенциальный противник мог использовать матку, как базу подводных лодок, в войне против островной Британии. Кроме того, Гитлер всерьез замахнулся и на Антарктику, на немецких картах ледовый континент обозначили Новой Швабией. Потому корпус китобазы обрастал бородой моллюсков, а на трубы гадили чайки. Только после капитуляции Германии англичане форсировали строительство, надеялись, что корабельничают для себя. Англичане нарекли ее Эмпайр Винчер и сделали три не очень удачных промысловых рейса к Антарктиде. Потом союзники в Потсдаме поделили германские трофеи и флот в том числе, стало известно, что флотилия переходит в собственность СССР, в Лондоне огорчились. В последний сезон 45-46 г.г., эксплуатировали Эмпайр Винчер нещадно, варварски. После промысла флотилия была бесхозной по сути дела брошенной несколько месяцев. Передача состоялась не без взаимных претензий, спешно прибывшие на теплоходе Академик Комаров экипажи возвращали механизмы к жизни с помощью смекалки и известной матери. Толмачил с бывшими хозяевами капитан-директор Алексей Соляник. В войну Соляник был командирован в Портланд, обеспечивая ремонт промыслового и транспортного флота. В 45-ом отбыл из Филадельфии на американском военном транспорте Чиф Оссиоло. Транспорт вез в Одессу боеприпасы. В соответствии с моментом имел звание подполковника. Впоследствии Ливерпуль в советской печати будут стесняться упоминать, будут писать о технических возможностях Славы, вакуумаппаратах, котлах, вроде бы она трофейно свалилась к нам неведомо откуда. Пока огибали побережье Испании, марсовые площадки не пустовали, хотя район и не китовый, наблюдатели ежились в вороньих гнездах по причине безопасности, можно было найти в волнах сорванную с минрипов мину, не важно чью, германскую или союзническую. Дело было привычным, еще недавно они высматривали мины или фишки, круги-поплавки, в проливе Лаперуза, а теперь в Бискае — только и всего. Бочкари мерзли честно, когда убирали бинокли, в предглазьях оставались круги окуляров. В Гибралтаре приняли бункер с танкера, прибывшего из Ленинграда, воду, снабжение и почту, на танкере же прибыл и известный полярный капитан Воронин, возглавивший экспедицию. До Гибралтара вел Соляник, а дальше поведет Воронин. Главное, не потерять реноме капитана и не дать повода для пересудов землякам-дальневосточникам, что, дескать, его, Соляника, самолюбие задето, ведь они помнят его капитаном краболовной флотилии. Именем Воронина еще не были названы остров в Карском море, бухта и мыс в Антарктиде, улицы в Санкт-Петербурге и Архангельске, ледокол на Азове. Чтобы свободные от вахт и работ не слонялись по палубам, их записали в увольнение. До сих пор старшины разных статей видели за границу в перископ или дальномерную трубу, и то с десятка кабельтовых. Культурная программа предусматривала посещение скалы с обезьянами, неведомо как уцелевшими после налетов авиации Геринга. Воодушевленные вниманием мартышки иступленно спаривались. Из обезьянника группами по-детсадовски шлепали вниз, а городок-то кукольный, смотреть нечего. Косились исподлобья на красные фонари, назначение которых было известно. — Вон гляди, обезьяна, так обезьяна! — цедили. Под фонарями демонстрировали выпуклости негрятянки, короткие юбки не по сезону, в ногах — ведра тлеющих углей. Заметив черные шинели со споротыми погонами, смуглявенькие заговаривали без надежды или прыскали. Пережитая война сдерживала желания, утрамбовывала их, но не подавляла. Демобилизованные старшины выучили наизусть от бывалых скитальцев морей

ключевую фразу Чинко ченто уно моменто?, ее произносят, когда договариваются, их уже предупредили, что будет за это. Вторым самым страшным грехом для советского моряка, о котором тоже предупредили, было приехать на человеке к трапу, но рикш в Гибралтаре пока не обнаруживали. Когда британский летчик, приветливо улыбаясь, нацелил на рашенскую группу фотоаппарат, может, хотел сфотографироваться с ними на память, они по-туземному отворачивались, подставляя лица вражеским аппаратам тоже на всякий случай запретили. На траверзе Канар потеплело, сняли фуфайки. Запасливые дальневосточники, а среди них были и гарпунеры с опытом, и капитаны-гарпунеры Петр Зарва, Афанасий Пургин, другие, и разделщики с флотилии Алеут, организованной еще в 32-ом году, смазывали кирзовые сапоги припасенным жиром китов с северной макушки земли, чтобы не ловить ревматизм на южной. Дальневосточники сравнивали. Переделанный из транспорта Алеут, у которого было всего три тихоходных китобойца Авангард, Трудфронт и Энтузиаст, выглядели против Славы кустарно. В разделочных цехах взывали паровые пилы, шипело, свистело и раскатисто стреляло, проверяли надежность разъемов шлангов, чтобы не обвариться, меняли полотна лисий хвост. Заправляли оселками похожие на хоккейные клюшки фленшерные ножи, точили на абразивных кругах гакообразные ножи для прорезания китовых позвончиков, острили железные зубья на сапогах, чтоб не сорваться со скользкой туши при качке. Крючники, пластовщики и лебедчики брякали расстеленными на фальшпалубе цепями. Танкисты, мойщики танков, пропаривали опустевшие после бункеровок в океане топливные танки, готовили их к приему жира. Среди мойщиков танков был дважды танкист Василий Брага, механик-водитель танка Т-34, прошедший от Сталинграда до Берлина. Китобойцы напоминали о себе выстрелами, норвежские инструкторы пристреливали пушки. Если откат был тугим, а накат замедленным, приотдавали гайки. В дымках гарпунных пушек присутствовал почти военный смысл. Распределился он и в задачах, оснащенные гирокомпасами и эхолотами охотники обозначили боевыми, а обойденные — буксировщиками туш. Куда англичане или новозеландцы умакнули точное навигационное оборудование, они лучше знают, а как можно за 14 тысяч верст ходить без компаса, тогда не спрашивали, времена были строгие. Работа и подготовка прерывалась политзанятиями и учениями аварийных партий. На политзанятиях знакомили с последними речами лучшего друга советских моряков товарища Сталина. В вечерней школе корпели за диктантами, как и положено вечером. Целые кубрики, сплошь состоящие из школьников, постигали дееспричастные обороты. Сам капитан-директор флагмана Алексей Соляник корпел урывками над учебниками за 9-ый класс. Соляник с 14 лет работал по найму на парусных шхунах, промышлявших ивасей. С 19-ти капитанил на ледоколе Форт Тоф, бил моржей и тюленей у Камчатки, ловил крабов. В межсезонье, без отрыва от зверобойного промысла учился во Владивостокском моррыбтехникуме, потом на курсах штурманов дальнего плавания. На шлюпочных тревогах дивились стрелкам летучих рыбок, приближались к экватору. Оголились. Норвежцы обнаружили экзотические цветные наколки с русалками верхом на кашалотах, клиперами и гномами. У наших с наколок шурился на тропическое солнце осетинскими глазами вождь народов. Многие оказались штопанными, шрамы в розовой коже не загорали. На экваторе вымазанные тавотом черти с плетеными из швартовых концов хвостами традиционно бросали новичков в купель, организованную в трюме. Кто-то пошел камнем на дно, чертям пришлось спасать. При пурпурном тропическом закате аккордеон рассыпал с переборами На солнечной поляночке и Темную ночь. Организовали обязательный заплыв под бортом на глубине три тысячи метров, у трапа висела в воде гроздь топоров, не умеющих держаться на воде. Топорам поставили на вид, и пометили фамилии галочками. Обязали перед следующим рейсом подтвердить профпригодность. Ночи между тем удлинялись, холодало, снова надели альпаковки. Пересекли тропик Козерога. Чужие суда больше не встречались, океан был безлюден, а они упорно стремились на юг. Качало теперь без перерывов. Новички выходили из галюнов бледными. — Что трюмная болезнь? — беззлобно подначивали девчат, спускавшихся в трюма, где качало меньше. Марсовые видели далеко у горизонта дымки, фонтаны спешащих на южные пастбища ходовых китов. Поморы, которых тоже хватало на борту, различали блины, пятна пузырьков, остающиеся от ударов хвостов сейвалов, самых быстроходных китов, морских рысачков, сравнивали конфигурацию фонтанов с теми, которые видели на промысле близ Шпицбергена-Груманта. Заметили в дымке первый айсберг. Фотографировали айсберг трофейными лейками, ФЭД — ами, у кого были, потом надоело. Однажды насчитали до сорока кочующих ледяных глыб. Искали в бинокли финвалов, которые чаще режутся среди айсбергов. Безбрежное полярное течение Южного океана, шириной в тысячи верст несло их на восток в хороводе с айсбергами, рыбами и китами. С тоской провозжали стайки облаков, ощущение отшнурованности уже вселилось в души. Облака тоже одержимо неслись к осту. Норвежцы чаще колдовали у пушек, помощники гарпунеров навинчивали гранаты к гарпунам. Стали замечать чаяк, биологи бывшие на борту, определили разновидность, чайки были доминиканскими, и прилетели, вероятно, с необитаемого и невидимого пока субантарктического острова Гаух. Все чаще пересекали красные пятна планктона. Наконец, охотники построились в походно-промысловый ордер с интервалами в две мили, чтобы держать в поле зрения мачты соседей, по флангам на мостиках стояли самые опытные капитаны. В ожидании команды приглушили двигатели, слышно было, как скрипят на волне клепаные корпуса. Напряжение, как перед боем, записал в дневнике А. Соляник. Норвежцы молились.

Охота

На плавбазе слышали хриплые хлопки гарпунных пушек, с нетерпением ждали сообщения по трансляции. Сменившиеся с вахт сообщения не дождалось, с тем и легли. Радио сообщило об охотничьем почине в пятом часу утра 28 января 1947 года. Первого финвала длиной 19,7 метров добыл норвежский гарпунер Ольсен с охотника Слава-4 к северо-западу от острова Буве. Когда охотник гордо подводил тушу к корме, высыпали на палубу. Флагман дал крен, на борту, как никак, 370 любопытных. Большинство не видели не только китов, но и бамбука, флашток флага, полоскавшего над тушей, был из бамбука. Поверили в себя и в возможности охотников, способных на форсированном ходу почти бесшумно, благодаря паровой машине, подкрадываться к китам, разворачиваться на пятке. Судовое радио на флагмане взахлеб трезвонило о добычах. Уксировщики швартовались к базе, волоча за хвосты на окленгованных, оплетенных растительным канатом цепях, китовые туши. — Внимание, к правому борту ошвартовался буксировщик, — вещала трансляция. — Приготовить гарпуны и румпель-стропа! Буксировщик получал боезапас, взамен израсходованного, гарпуны, гранаты, пыжи, капсули, гильзы пушечные, различные материалы их до 60 наименований: линь перлоновый, разные виды канатов, флаги, чекеля, паклю затыкать дыры в теле надутого кита, потом отчаливал и спешил к боевым охотникам. Туши подавали к слипу, зубья захватов-храпцов вонзались в хвосты, на которых были вырезаны номера охотников и порядковые номера добычи. Приноровились споро вирать тушу в момент, когда зыбь помогает забросить ее на слип. Пока тушу вирали, резчики вспарывали ее от головы до двухметрового детородного органа. Добывали согласно конвенции самцов, но случались и досадные ошибки. Взяли на линь самку, пока волокли ее, за мамкой увязался детеныш. Китенка отпугивали ракетами, чтоб прибился к стаду, может, другая мамка выкормит,

надеялись по незнанию. Бывалые резчики, наежив из соска китового молока, пили его вместо воды, заправляли оселками ножи и снова принимались за работу. Новичков мугило. Базовые собаки, объевшись требухой, валялись мешками у световых люков машинного отделения. В тот же день Ольсен взял на линь второго блювала и пошел молиться. Потом отдыхать. Слава-4, как на грех, наскочила на китовую свадьбу, марсовый плевался от досады. Свадьбы в вахтенных журналах обозначали неустойчивыми концентрациями китов. Подарили координаты соседям, но там норвежцы тоже легли спать, чтоб не гневить морского бога. Пересекли пятидесятые. Охотники валяло нещадно. Если прогноз из Кейптауна получали радужный, валяло еще свирепее, голова-ноги, в рабочей столовой под ногами хрустели черепки посуды. Готовили только второе. На профгруппах и политучебах сидели, балансируя, как на качелях. Директор вечерней школы Аристов на занятиях уже не жестикулировал, держался за пиллерсы. С тех самых пор ветераны-китобои не верят синоптикам. А к охотникам со временем приварили горизонтальные кили, они хоть немного гасили бортовую качку. За островом Буве базу облетел вертолет. Еще через сутки встретили американский транспорт с фрегатом сопровождения. Снова назойливым шмелем завис вертолет. У бывших артиллеристов чесались руки, чтоб жахнуть, но не было под рукой Эрликона. Кто-то потехи ради нацелился гарпуной пушкой. Капитан охотника показал палубному хулигану кулак в варежке. На базкоме капитану пришлось оправдываться, что он не страшал американцев. Ответственные товарищи, толкавшиеся в изобилии на борту, доложили шифровкой об американском присутствии в Москву. Москва предупредила, что присутствие американцев встреченными кораблями не ограничивается, США форсируют масштабное вторжение на шестой материк экспедицией из 13 кораблей в составе авианосца, подводной лодки, ледоколов, фрегата и танкера. Руководил экспедицией по столблению Берега Александра первого, если уж по Беллинсгаузену, адмирал Берд, тот самый, который впервые на самолете достиг южного полюса в 1929-ом. Забавно, что тогда в 29-ом Берг добирался к ледовому барьеру моря Росса, откуда начался рекордный перелет, на промысловом судне под командованием того самого Сигурда Нильсона, который сейчас на борту, и не исключено, что по радио связывается со своим старым знакомым Бергом. Уполномоченных товарищей на Славе этими фактами биографии Нильсона всерьез озадачили командиры из Москвы. Правда, перед началом рейса господин Нильсон, выступая в Одесском оперном театре, обещал честно делиться с русскими секретами мастерства, помогать делать план, но неизвестно, кто на кого работает. Продолжая путь на юг, в полдень в широте 69 град. 21 мин. 28 сек., в долготе 2 град. 14 мин. 50 сек., мы встретили льды, которые представлялись нам сквозь шедший тогда снег в виде белых облаков... — писал 16 января 1820 г. в дневнике начальник русской антарктической экспедиции Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, — Мы увидели, что сплошные льды простираются от востока через юг на запад; путь наш вел прямо в сие ледяное поле, усеянное буграми. Свежая погода и тяжелые льды не позволили парусным шлюпам Восток и Мирный подойти ближе к замеченным бугристым льдам. Беллинсгаузен предполагал наличие близкой земли примерно в 20 милях, но утверждать об открытии материка не решился. А зря. Беллинсгаузену мешал определиться густой снегопад, судоводители Славы, побывавшие в этой неприветливой точке убедились, что земля значительно ближе. Эти факты еще раз со всей очевидностью подтверждают, что еще в январе 1820 г. русские моряки открыли антарктический материк, опережая в этом англичан, американцев и норвежцев, — писал английский географ профессор Дебенхем. Сейчас же американцы во всю осуществляли военное вторжение на Берег Александра первого. Англичане готовились к постановке станций неизвестного назначения А, В и дальше по алфавиту, F — Фарадей, запланировали ставить на острове Галиндез — такая у них антарктическая грамматика. Первого кита и того для русских взяли на линь иностранцы. Они не переработаются. Если даже на китовую свадьбу угодит охотник, то двух китов возьмут, третий уже стахановский, поставят добычу на флаг и в койку, по-морскому это называется дрыстать. Еще по радио что-то лопочут землякам со своих охотников, они промышляют недалеко, возможно координаты стада дают. Получается, прямой саботаж. В Москве не будут разбираться, чей именно, радио с сухим треском транслирует заседание Военной Коллегии по ленинградскому делу. А за саботаж можно и в море Росса булькнуть, случается, волной смывает гарпунеров, тем не менее, они не боятся, привязываться еще опаснее. А вахтенный еще подумает, нужно ли такому викингу бросать круг или можно перекурить. Впрочем, за очевидной неохотой передавать опыт у норвежцев просматривался прямой расчет, не такие уж они дремучие. Они издавна промышляли гарпунерами и на голландских охотниках, и даже у британцев. Видимо, рассчитывали, не без оснований, задержаться на советских судах, просили увеличить их присутствие на Славе, дескать, и добыча тогда возрастет. Пока же добыча оставляла желать лучшего. По слухам японские и норвежские флотилии охотились куда успешнее. Продолжали углубляться на юг. Чистая вода была только до 60 градусов южной широты, дальше начинались блинчатые льды, а за ними сплошная паковая каша. Самой южной точкой, которую погода позволила достичь в первом рейсе стала широта 67 градусов. Незаметно в трудах и азарте пролетело короткое полярное лето. Веники облаков на закате обещали ветреную погоду. В апреле температура воздуха упала до -21 градуса, сократился световой день. Пробовали продолжать промысел в разгар полярной осени, чтобы наверстать упущенное, да выше себя не прыгнешь, шпигаты забивала шуга. При маневрах началась дерготня, капитаны не отпускали ручки машинных телеграфов, механики, матерясь, пускали машины враздрай, один вал — на малый вперед, другой — на малый назад, чтобы струями отогнать от винтов колотый лед. Все реже на базе трансляция сообщала: Внимание, к правому борту пришвартовался охотник... Охотники сдавали скудную добычу, уходили из ветровой тени базы в студеную тьму, пропадая между валами. Где-то на гребне мокрый вахтенный оглядывался, чтобы увидеть напоследок зарево прожекторов теплого островка базовой жизни, потом охотник рыл волну, когда пронзительно взывали оголившиеся винты, корпус сотрясался от вибрации, казалось, развалится, вахтенный хватался за леера, и его снова окатывало. В бинокль отчетливо просматривались полосы сплошных ледяных полей с вмерзшими в лед громадами айсбергов. Пошли ко льдам в надежде встретить блювалов, они любят резвиться среди айсбергов, но китов не было, с припая глядели на них моржи. Лед — 10 баллов, толщиной 20-25 см, — писали в вахтенных журналах. Китовые стада стремились на север. Вслед за ними снялась к Фолклендским островам и флотилия. По пути Слава-1 бросила якорь на рейде норвежской фактории Гритвикен в Южной Георгии. Переселенные из Норвегии в Антарктику саами пасли оленей, под ногами у рогатых парнокопытных путались беспечные пингвины. Увидели зеленую траву. Норвежские инструкторы балаболили с одичавшими земляками. Бэйз-командер показал снимок из американской газеты. Группа парней пересекла на плоту Тихий океан. В экспедиции были норвежцы Тур Хейердал, радист Бьерн Стайб. Радист впоследствии сохнет на полярных станциях. В печати мигом растрезвонили, что впервые после экспедиции Беллинсгаузена русские ступили на остров. Посещение Южной Георгии носило больше политический характер и планировалось в Москве. У Фолклендских островов приняли бункер с танкера Кремль для обратного перехода. Убили 384 кита. О Славе узнали. В кадрах было не протолкнуться. Откуда приходили новички? Зачастую поворот в морской судьбе предопределял случай. Приехал из Измаила отдыхать в военный санаторий капитан-лейтенант И. И. Завьялов, увидел объявление... требуются...не находившиеся в оккупации, не бывшие в плену... Капитан-лейтенант в белой армии не служил, интернировал не был, воевал в дунайской флотилии честно, дошел на вспомогательном колесном еще пароходе до Вены, и подошел кадровикам по всем статьям. Они впоследствии не пожалели, Завьялов капитанил

еще и на Советской Украине, его добычливый к-с Знатный швартовался в Одессе первым бортом. Шел сорок седьмой год. В унылом аптечном преискуранте еще не было пенициллина, больные сгорали не только от туберкулеза, но и от пневмонии. Пенициллин привозили контрабандой моряки. Тем не менее, в аптеках появились по доступным ценам пузырьки с китовым жиром. Во второй рейс Соляник вел из Одессы флотилию уже без наставника. Воронин уехал к постоянному месту своей работы на захиревший в период войны Севморпуть, который нужно было спешно возрождать, чтобы он, хоть в навигацию выглядел путем, а не проходом, как во времена Норденшельда. Заранее снялись тихоходные суда. Те, кому скорость позволяла приподняться, встретились в условленной точке на траверзе Огненной Земли. Антарктика, которая на расстоянии в пыли эйфории выглядела чуть ли не обжитой, покоренной, снова скалилась штормами. Ее первобытной ярости они не извели. Охотники зарывались до топов фок-мачт, становились дыбом, обнажая шершавое от наростших моллюсков днище, крен достигал 50 градусов, даже на плавбазе заливало бак. Охотники покрывались ледяным панцирем, недалеко и до оверкиля. Палубные команды скалывали раштовками лед, борясь за жизнь китобойцев и свои собственные, сорванные с вант ледышки секли в кровь лица. Даже свирепый арктический шелонник, который бесчинствует в Карском море, ледовом погребке Европы, для поморов на борту выглядел озорным сквозняком. Обессилев, забирались на свои ярусы, где тоже, чтобы не выпасть, нужно было держаться за царки, трубы, ограждавшие койки. На плавбазу привозили пострадавших с ветровыми ожогами лица. Казалось, конца краю не будет этой круговерти. Наконец, Алексей Соляник написал вязаным бисером в вахтенном журнале: Отштормовав, флотилия продолжила активную охоту, и, разумеется, указал координаты и волнение по таблице Бофорта: 7 баллов... Для оценки силы ветра приводится его воздействие на береговые ориентиры, так при девяти баллах срывает черепицу с крыш, разрушает дымовые трубы, при десяти валит деревья и телеграфные столбы и так далее опустошает. Норвежцы снова не подпускали к пушкам, не спешили делиться секретами мастерства под тем предлогом, что все равно для накопления опыта необходимы десятилетия. Чтобы в Норвегии стать учеником гарпунера, необходимо предъявить диплом старпома, документ о прохождении курса стрельбы на военном судне и взнести в кассу Союза гарпунеров 3000 крон. После допуска к работе, ученик, которому уже зачастую под сорок, 2 года в трюме изготавливает чекели, делает сплесни, укладывает троса в тросовый ящик, еще год обслуживает амортизаторы, смазывает пружины, заменяет сработавшиеся, потом два года изучает пушку, довольно примитивную, после этого два года изучает повадки китов. К пушке ученик допускается опять же с разрешения Союза. Шеф-гарпунер позволяет ему сделать 10 контрольных выстрелов, при этом сам выбирает цели. Если хоть один выстрел неудачен, испытание переносится на следующий промысловый сезон. Обида копилась, наши ведь тоже не пальцем деланные, капитан-гарпунер Афанасий Пургин еще юнгой плавал на ледоколах Седов и Русанов, другой капитан-гарпунер Петр Зарва командовал охотником Трудфронт флотилии Алеут, где уже пережил консерватизм норвежцев, тоже бывших там на борту. И кого учат стрелять? Николая Гниляка, который в войну с первого выстрела попадал в сорванную с минрипа мину? Успех охоты у норвежцев зачастую зависит от примет, продиктован суевериями. Только немногим из них передался наш трудовой порыв, — написал в докладной записке Алексей Соляник Анастасу Микояну, тропинка к которому была протоптана еще, когда Соляник командовал крабоволовной базой Анастас Микоян. Доверие было жаловано. Норвежцы собирали пожитки. Сигурду Нильсону подарили Победу. В интервью газете Санде фиорд блад от 21 июля 1948 Сигурд Нильсон усомнился в самостоятельном успехе русских.

Слава

В третьем сталинском рейсе охотились уже всласть. Кому-то сподручнее было стрелять с правого борта, другому с руки был левый. Афанасий Пургин поражал ныряющую цель под грудной плавник из любого положения. Петр Зарва перед охотой, снимал перчатки, в пылу погони его окатывало, одежда покрывалась коркой льда, полушубок стоял колом, но перчатки Зарва надевать забывал. Федор Прокопенко охотился ночью при свете прожекторов. Если другие палили с сорока метров, то Василий Тупиков предложил стрелять с восьмидесяти, сколько хватит линия. Он выстрелил и только ранил кита. Кит вытащил пятьсот метров фала, которым продолжается линь, и сорвался со слабо вонзившегося гарпуна. Тупикова критиковали за промахи, его почин подвергали сомнениям, ссылались на норвежцев, которые редко мазали. Норвежцы стреляли с малого расстояния наверняка, хозяин запрещал добойный выстрел, каждый впустую израсходованный гарпун высчитывался из жалованья. Если кит сопротивлялся на лине, спускали шлюпку, добивали острогами. Когда однажды кит перевернул шлюпку, У Нильсона в молодости был такой рабочий эпизод, стоимость ее хозяин тоже вычел из зарплаты. Чего-чего, а боезапаса у нас было припасено с избытком, за перерасход его не штрафовали. Тупиков совершенствовал стрельбу с большой дистанции, дело ладилось, у него появились последователи. Если норвежцы охотились с перекурами на молитву, то наши до упаду. Норвежцы артельно добывали в сутки до 27 китов, наши — 31 и более. Не исключено, что уйди норвежцы раньше, наши кулибины и заморскую варочную технику быстрее бы освоили методом тыка, и китов бы добыли больше. Дело, наверное, не только в пытливом уме, но и в привитом советским режимом горячем желании выполнить работу любой ценой. Когда в котлах потекли сразу 438 трубок, Нильсон советовал идти в Южную Георгию или в Кейптаун для месячного заводского ремонта. Машинные команды заменили прохудившиеся трубки за 12 дней, не выводя энергетическую установку из эксплуатации. Сделали, корячась в невероятной тесноте, за 11 суток, и Соляник выиграл у Нильсона 12 бутылок коньяка. Разумеется, как и на любой охоте, было соперничество, однако, и излишками делились. — Жора, возле меня много гвоздей, — радировал Николай Гниляк Георгию Овсянникову. — Если у тебя мало, двигай сюда. Неистребимое чувство коллективизма, позволило освоить и спаренную охоту двумя китобойцами. Особенно она эффективна в сумерках, когда кит хитрит. Добычу едва успевали разделять. Смена мастеров Позднякова и Шпынева разделяла за 11 часов по 22 кита, но все равно у плавбазы скапливалось до пятидесяти китовых туш, на которых важно отдыхали пингвины. Резчики перекуривали на ходу, паровички-китобойцы, сдав добычу, устремлялись в новую погоню. — Вон девяточка роется, — говорили на плавбазе, — бежит за кем-то. В горячке работы не закрепили надежно тушу на разделочной палубе, при перекладке курса качнуло, лопнули тросы, туша поползла на матросарезчика Михаила Становова, рискуя раздавить в лепешку. Тому ничего не оставалось, как сигануть за борт. Вынырнув, он ухватился за канат — бурундук, опоясывающий плавбазу для удобства швартовок китобойцев. Зыбь подбрасывала его, потом он зависал. Становов отпустил канат, когда силы были на исходе. Его чуть не ошпарило граксой, отходами из жироварен, которые вырывались из шпигата пополам с паром. Михаил отплыл от опасного места, ему непонятно как удалось освободиться от альпаковки и сапог, его искали. Голову видели на гребне волны, ему швыряли круги, капковые нагрудники и выброски. Потом Становов пропал. Поднял Становова подоспевший с добычей охотник Слава-10. Матроса с охотника Василия Н. одной волной смыло за борт, а другой вернуло. Бедняга так вцепился в леера, что ему еле разжали пальцы. На переходе ночью смыло

со швартовой палубы Славы-7 кочегара Евгения Державина. Охотники, включив прожектора, сужали круг, где мог находиться кочегара. Его подняли через 68(!) минут. В первых рейсах никто не погиб, хотя предпосылок для этого было предостаточно. Опасность представляла не только стихия, но и киты показали норы.

— Как дела? — спрашивали с мамульки, китобазы.

— Зацепили борьку, — отвечал охотник.

— Прислать буксировщика?

— Нет, не надо. Сами плывем на буксире.

Пока шутили, раненый кашалот, поднырнув обломал лопасть винта охотника. Потерявший ход охотник ставило лагом к валам, заливало. Пошли на средних ходах при немилосердной вибрации спасаться от качки во льды. Спустили водолаза, шестью отгоняли льдины, чтобы не повредили кислородный шланг. Водолаз, коченея, переставлял гигантский ключ, а таями с кормы вирали его, по четверть оборота. Болты оказались расклепанными, лопнула тяга съёмника. Заложили две толстые шашки, взрывом винт подался по конусу на пять сантиметров. Когда высланный на помощь охотник пришел в точку среди айсбергов, изуродованный двухметровый винт, непонятно как поднятый, уже лежал на юте, а из под воды пускал пузыри водолаз, затягивал гайки. Если во втором рейсе, несмотря на суровые погодные условия, добыли 824 кита, то в третьем — свыше тысячи, но квоты, предусмотренные конвенциями, еще позволяли наращивать добычу. Уже перед Воронцовским маяком героев встречали цветными фонтанами воды буксиры, гудками приветствовали заводы. Охотники салтовали холостыми зарядами с резиновыми пыжами, чтобы не поранить купальщиков на Ланжероне, пляжный сезон был в разгаре. В толчее на причале Старо-Крымской столкнули в воду пионера, мальчика, к счастью, быстро извлекли из хлюпающей щели. Первым корпусом швартовался самый добычливый охотник, оснащенный аппаратурой Фуруно, с акустиком на борту, потом победитель без аппаратуры. В центральных газетах появились фотографии асов-гарпунеров. Страна, где ржаной хлеб продавали на развес, получила китовое мясо, муку, жир, еще спермацет кашалотов, амбру, драгоценный безвредный продукт, отторгнутый желудком кита. Еще страна получила героев. Сталинские идеологи просчитали все заранее и тщательно, паузы между героическими военными буднями и героическими мирными быть не должно. Уже после первого рейса на экраны вышел содержательный документальный фильм, так его обозначал сам А. Соляник, За китами в Антарктику. В книжных магазинах появился сборник очерков Слава, причем без кавычек, изданный 30-тысячным тиражом. Очерки были живо и достоверно написаны самими участниками антарктических охот. осле победного третьего сталинского рейса Сигруд Нильсон наезжал в Одессу, просился, но вежливо отказали, уже сами были с усами, точнее, с китами. Теперь если и случались промашки, то не на кого было кивать, норвежцев на борту не было. К командирскому совещанию уже на стоянке в Одессе, а то и раньше, начальники подразделений, цехов и капитаны охотников готовили списки штрафников, трепавших им нервы семь месяцев. Даже самых злостных Соляник не карал единолично закрытием светофора, визы. Обычно спрашивал у командира: Он тебе нужен? Если ответ был утвердительным, то виновника наказывали ремонтом, вместо отпуска, деловые качества ценились превыше всего. Ремонтировались традиционно в закрытом городе Севастополе, база доковалась на Северной стороне в самом большом сухом доке для линкоров, охотники — в Южной бухте. Заново стелили досками фальшпалубу, ее меняли каждый рейс, доски измочаленные тушами китов, расщепленные храпцами и исколотые шипами сапог резчиков быстро изнашивались. Часть ветеранов в четвертый рейс не пошли, после трех рейсов полагался годичный слабооплачиваемый отпуск. Использовали его не все. Гарпунер Георгий Сергеевич Могильный 30 лет (!) работал без годичного отпуска, ему нужно было шестерых детей ставить на ноги. Отпускники сажали виноград на поселке китобоев, заложенным в 48-ом году близ десятой станции Большого Фонтана. Вижу фонтан! — кричал подзагулявший китобой таксисту, когда подъезжали к улице Китобойной. Во второй машине ехала фуражка китобоя, чудили. На Китобойной стали рождаться, как по заказу, в феврале и марте мальчики Славики. Гарпунеры уходили не только в годичный отпуск, но и привлекались. Отстрел кита менее 16 метров карался штрафом, детеныша сроком до четырех лет. На борту присутствовал иностранный наблюдатель, который мог перемерить добычу, а мог закрыть глаза. Нельзя также было стрелять китов-горбачей. Откуда приходила новая смена охотников, ведь у нас не было в мореходках факультетов, где бы готовили гарпунеров? Ускоренный курс читал капитан-гарпунер Афанасий Пургин. Капитан-гарпунер Петр Зарва учил стрелять из пушки, установленной на полуучебном судне Пассат по ящику, плававшему в Одесском заливе. Далеко не всем курсовикам потом доверяли полубак китобойца, где стояла гарпунная пушка. Гарпунеров возвращала и сама среда флотилии, зачастую, случай позволял выявить самородков, как это случилось с матросом охотника Слава-4 Василием Казаковым. После напряженной погони знаменитый гарпунер еще дальневосточной закваски Николай Гниляк спал. Вижу фонтан! — закричал марсовый. Находившийся на переходном мостике Казаков, не долго думая, бросился на полубак к пушке, выстрелил и взял на лить финвала, потом еще одного. Когда Казаков добыл седьмого кита, на бак наведалься Гниляк, разозлился, и отправился... спать. Капитан-гарпунер Славы-4 Петр Зарва, тоже дальневосточного происхождения, доложил об успехе на базу. Если у него получается, — рассудил Соляник, — то пусть продолжает охоту, — а Гниляк пусть спит. Вскоре на восьмерке заболел капитан-гарпунер Афанасий Пургин, и Казакова послали на восьмерку, чтобы не обижать Гниляка. Погода благоприятствовала охоте, Казаков дал семь выстрелов... и семь раз промахнулся. Случилось это аккуратно на первое января в день рождения Казакова. Капитан Славы-8 Анатолий Лабунец, именем которого впоследствии назовут большой рыбоморозильный траулер, пригласил Василия Ивановича в каюту, плеснул коньячка, поздравил с днем рождения, и велел продолжать охоту. Казаков в тот день взял семь китов с первого выстрела, без добоев. Казакова направили на учебу при базе, в группе было пять кандидатов в гарпунеры. Из пяти был произведен в гарпунеры один Василий Казаков. За 25 рейсов на двух флотилиях Казаков добыл четыре с половиной тысячи китов и произвел свыше одиннадцати тысячи выстрелов, что сказало на слухе. Гарпунеры зачастую глохли, выданные им танковые шлемофоны сразу отвергли, так как он мешал слышать марсового. Четвертый рейс тоже обозначили сталинским, юбилейным, любимому вождю народов в марте к началу антарктической осени и особо свирепых штормов должно было исполниться семь десятков. Готовили подарок к юбилею, наметили взять полторы тысячи китов. Антарктика, хоть ее и в шутку называли Антрактикой, а айсберги — айзенбергами, шуток не понимала и оставалась все такой же непокоренной. Алексей Соляник записал в ежедневнике выдержку из А. Баннета, английского натуралиста и поэта, отважившегося побывать на китобойном промысле: Куда не кинешь взгляд, всюду однообразная картина — свинцовое небо, черная, как чернила, вода, и светящиеся ледяные массивы, как привидения, окутанные в саван. Жизнь в Антарктиде отсутствует. Это — страна смерти. Полугодовое пребывание в открытом океане стоит многим китобоям пяти лет жизни... Штормило без перерывов. Белые гребни слепили, брызги на солнце отливали цветами радуги. Одетые в утепленные до пят балахоны марсовые, глядясь воспаленными глазами в окуляры бинокля, видели то перевернутый вверх килем барк, то

здание одесского оперного театра. Из-за преломления света в слоях воздуха разной плотности в это время года в антарктике случаются миражи. В лица гарпунерам летели пригоршни пены, охотники рыскали, рулевые с трудом удерживали их поперек волн. Ветер прижимал фонтаны китов, вымет первого фонтана замечали с опозданием, спины китов выныривали неожиданно. К тому же киты близко не подпускали, поэтому случались промахи. После выстрела обязательна команда Стоп машина!, чтобы трос не попал под винт, беспричинные остановки нервировали механиков. Когда в туше обнаружили британский гарпун, поняли, что киты пуганые. Рядом штормовали, временно прекратив промысел флотилии Торшавди, Пелагос, Сэр Джемс Кларк Росс, Торсхаммер, Виллем Баренц, Харвестр. Добыли полторы тысячи китов и пошли на Кейптаун. Кейптаун был наводнен бородачами с других флотилий, встретили знакомых по Славе и даже по Алеуту норвежских инструкторов, промышленявших уже под голландским флагом. Норвежцы жаловались на падение добычи. — Зачем вы рискуете жизнью и губите здоровье? — спрашивали. — Вам что, доплачивают за каждого добытого в шторм кита? Объяснять, что взяли обязательства к юбилею вождя выполнить план на 200%, а в день рождения на все 300%, не стали, все равно б не поняли. Девятого марта прямо в рейсе Алексею Солянику было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Наградили и отличившихся. Пятый рейс дался особенно трудно, за три основных промысловых месяца число дней со штормами, снегопадами, туманами, а значит плохой видимостью составило 82%. По почину гарпунера Славы-3 Героя Социалистического Труда Н. Гниляка не прекращали охоту даже в шторм, мало обращая внимания на невзгоды капризной стихии, — писал капитан-директор А. Соляник в брошюрке издательства Знание. В пятом рейсе уже участвовало 15 судов. Страна не жалела средств для пополнения флотилии и модернизации ее. В печати появились обнадеживающие результаты испытаний цельноотлитого бронзового винта танкера Берия, и вскоре в такой же чудо-винт обули Славу. Шестой рейс назвали рейсом мира, тогда пионеры писали на заборах Миру — мир!. Рейс мира был посвящен знаменосцу мира товарищу Сталину. В рейсе мира АКФ Слава завоевала символическую Голубую ленту первенства и продержала ее до своего тринадцатого рейса включительно. В 11-ый рейс Слава ушла на промысел с вертолетом на борту. В 14-м рейсе Голубая лента перешла к морякам новой АКФ Советская Украина, спущенной со стапелей Николаевского судостроительного завода имени Носенко в 59-ом. Алексею Солянику капитанил теперь на Советской Украине. Промышлявшие в Антарктике одесские флотилии соперничали, хотя паровым охотникам Славы соревноваться с новенькими охотниками, где стояли мощные дизельные двигатели Буккау-Вольф, было бесполезно. Даже в передовице многотиражки Советский китобой, которая могла переключаться к конкурентам, осторожничали, писали: Оправдан ли маневр флотилии в сторону Н-ских островов?. Обе флотилии промышленяли в пределах радиослышимости, поэтому сообщения о местонахождении охотников самодельно конспирировали. Скажем, Константин Владимирович Семенов, капитан к-с Бесстрашный-28 давал свои координаты косатке: Лабунец и Семенов с супругой. Следовало сгруппировать последние цифры бортовых номеров охотников капитана А. Лабунца (24), капитана К. Семенова (28), получалось 48 градусов, а супруга, половинка, означала 30 минут. Косаткой называли плавбазу Слава, а кашалотом Советскую Украину. Шифровали еще и для шнырявших поблизости дальних японских китовых разведчиков, на которых могли находиться сахалинские японцы, понимающие русский. Интересно, что сам капитан Константин Семенов, ныне здравствующий и находящийся при должности на небольшом пароходе, будучи юнгой, участвовал в высадке десанта переброшенных на восток рокосовцев для штурма Ака-Мару, так по-японски назывался Корсаков. Охотился Семенов чаще особняком, пароходной толчеи не любил. Охотники преследовали стадо обычно кильватерным строем, один отстрелялся, брал на лить кита и отходил в сторону. Если случался промах, охотник тоже не мешал, отваливал, и стрелял следующий или же ждал пока кит — водолаз вынырнет. Это железное правило соблюдается китобоями во всем мире, упущенную добычу может взять и чужеземец, если он курсирует поблизости. Семенов же шел в стороне, никому не мешая. Охотился он весьма удачно, не зевал, используя быстроту и натиск, приходил в Одессу первым корпусом, победив в соревновании для судов, не оснащенных китопоисковой аппаратурой.

Старость

Труд на Славе считался все еще престижным. После знаменитого миллиона двести, хрущевского сокращения вооруженных сил, флотилия пополнилась новой генерацией молодых офицеров. Они охотно шли простыми матросами или рабочими в цеха, были на ты с электроникой, брали в рейс томики Вознесенского и Евтушенко. Если гарпунеры довоенной закваски расписывались печатными буквами в ведомости на получение четырехзначной зарплаты, то новое поколение гарпунеров уже оперировало теорией баллистики с интегральными расчетами. На Славе плавал матросом Герой Советского Союза полковник Андрей Борщов, вылетевший на помощь Армии Крайовой и посадивший штурмовик на пяточке в Варшаве. Плавал матросом 1-го класса Герой Советского союза П. Дубинда. Трудился на Славе боцманом Беляков, полный кавалер орденов Славы, простите уж за каламбурчик. Были даже панфиловцы. Плавал родной брат министра культуры Екатерины Фурцевой. Фурцева неоднократно наведовалась на обе флотилии. Капитан одного из охотников Владимир Васильевич Ангелин был внуком первой советской трактористки Паши Ангелиной. Электромеханик Вячеслав Меркулов был сыном сподручного Берии Станислава Меркулова, расстрелянного вместе с Абакумовым. Алексей Соляник без колебаний приглашал на флотилии не только людей заслуженных, но и бывших в опале, не шараялся. Так капитаном одного из охотников был экс-капитан первого ранга Кухта, бывший командир линкора Новороссийск, взорвавшегося в Северной бухте Севастополя. Но героев-китобоев теснили уже с первых полос космонавты.

И походкой той, одеждой скованной,
И мечтой, что уносила в завтра,
И работой трудной и рискованной
Гарпунер роднился с космонавтом — писал Игорь Неверов.

Побывавший на борту космонавт, земляк-одессит, на участке разделки трогательно обнялся с резчиком в робе. Резчик оказался забракованным медкомиссией летчиком из отряда космонавтов. Разрыв в добыче между Советской Украиной и Славой, увеличивался незначительно, несмотря на явный износ последней, потому что китовые стада поредели, рассредоточились. На собраниях прорезались тревожные нотки. Так в декабре 62-го провалили план и ополчились на гарпунеров Шаткова, Косоротова, Какушу и Торопченкова, у которых было много промахов. Посылали в президиум базкома анонимные записки, в которых обвиняли руководство в неразумном изменении курса флотилии. Капитан-директор В. Неболюбов, разумеется, при

поддержке помполита И. Омельяненко осаждали смутьянов, оправдывали переход флотилии к Н-ским островам положительными данными разведки и опытом промысла прошлых лет. Предлагалось мобилизовать резервы, но ведь китов-то не мобилизуешь. Гонялись за одинокими китами до последнего. Повезло гарпунеру Ш. Челидзе, он взял на литье двух финвалов, но правый кит оборвался. Быстро обработали добычу, поддули, снабдили радиобуем, поставили на флаг и продолжили преследование беглеца, опасно маневрируя среди битого льда и рапаков. Свободные от вахт мотористы запрудили мостик, на марсовую площадку полез помощник гарпунера. Кита добились уже в потемках в 23 часа. Начальство нервничало, кидались из крайности в крайность. Не повезло на севере у Н-ских островов, решили повезет на крайнем юге у кромки припая. Однажды проснулись в ледовом плену, вся флотилия вмерзла в лед. Флагман крошил лед, вызволяя малышей. Успели. Разговоры о былых удачных охотах новичкам казались бульбами. Скрипела на волне Слава все жалобнее и пронзительнее. Под скрип в тесных перенаселенных кубриках травили, что и условия обитаемости на Советской Украине более человеческие, и заработки выше. Старожилы вспоминали, как преследовали блювалов, молодежь байкам внимала с сомнением, сейчас блювалы были большой редкостью. В пылу охоты капитаны В. Харалдин и В. Тимченко допустили столкновение судов, но, к счастью, отделались вмятинами на фальшбортах. Опасность представляли не только рапаки и киты, которые могли изуродовать винты, но и танкера, приходившие раз в два месяца за готовой продукцией. Грузовые операции в океане крайне рискованны из-за неравномерного волнения. В первых рейсах, не дождавшись тихой погоды, откатку топлива с танкера Апшерон произвели в ходу. Слава и Апшерон, стали лагом, в качестве кранцев, как обычно, использовали туши китов, и двигались против ветра на малых ходах, пока не закончили откатку топлива. Кроме топлива, провизии и воды, танкера привозили почту, которая тоже таила конкретно адресованную опасность. Китобой разрывал конверт, а там: ...Мы разные люди. Я встретила ... Извини Если в первых пяти рейсах никто не погиб, то потом и вены резали, и бросались за борт, как это случилось на Бесстрашном — 24. Прощайте, ребята!, — крикнул напоследок с бака матрос, только его и видели. В семнадцатом рейсе было добыто 2015 китов, гребные винты китобазы сделали 24 миллиона оборотов. Рекорды теперь ставили по оборотам, за китами приходилось больше гоняться, сжигая сотни тонн мазута. Перспектив наращивания промысла у Славы не было, беспощадная статистика со временем подтвердила это. Если в сезон 1962-63 г.г. Слава добыла 806 финвалов и 624 сейвала, то Советская Украина в 1974-75 соответственно -170 и 581. Чтобы окупить расходы на промысел, в 70-е вынуждены были больше бить мелочь кашалотов и минке, минке — кит-пигмей, на которого раньше не зарились. Так что Славу готовили на списание во время. В 64-ом Соляник собрал ветеранов Славы в зеркальном банкетном зале, самого престижного и самого морского ресторана города Волна. Во главе стола сидел первый секретарь обкома партии Синица, высший комсостав флотилии, а в продолжении капитаны и гарпунеры. Официальная выпивка для плавсостава была ограничена 150 граммами, за обед внесли по 25 рублей с китобойной персоны. В денежных вопросах Соляник был особенно щепетилен, и не позволял даже уплатить за себя бутылку воды. Уже тогда китобойи поняли, что Соляник прощается. Сезон 66-го года был для Славы последним. Китобойные суда, пребывающие в условиях почти непрерывной качки, изнашиваются быстрее, как, впрочем, и сами китобойи. Предельным возрастом для китобоя определили пятьдесят лет. Славе шел тридцать седьмой год, возраст был выше критического. Из тридцати семи лет едва ли не половина жизни прошла на бесполезном отстое — горькая судьба для парохода. Последний день промысла 22 апреля был неудачным. Монеток не бросали, прощались с Южным океаном навсегда. Капитан охотника Владимир Ангелин написал:

Там, где сумрак до хруста выстыл,
Там, где айсберги пьют волну,
Никогда не разбудит выстрел
В лед закованную тишину.
И, как в прежние наши будни,
Сквозь рассеявшийся туман
Никогда не рванется судно
На пробивший волну фонтан.
...Может правильно. Может верно...
Но, а все же, до боли жаль
Ту, исхлестанную злым ветром
И распятую штормом даль.
Потому что из тьмы и холода,
С рыжих скал, где снега метут,
Машет вслед нам рукою молодость,
Навсегда оставаясь тут...

Группу из четырех охотников прямо из Антарктики капитан Анатолий Лабунец повел во Владивосток, откуда их должны были перегнать в Японию на разделку. Дальневосточники, бывшие на борту, возвращались в точку с якорьком на карте мира, откуда в 46-ом прибыли — кругосветка, длившаяся двадцать лет, логически завершалась. Переход выдался трудным, техника капризничала, списанные пароходы, говорят, чувствуют, как и животные, когда гонят на бойню. База же, сдав на танкер жир и китовую продукцию почалапа следом. Впервые перед приходом не приводили пароход в порядок, безделье угнетало. Базовые косторезы по заказам, разумеется, не бесплатно, гравировали на зубах кашалота, силуэты приговоренных к разделке малышей-охотников. Резчики из фленшерных ножей мастерили тесаки с наборными из китовой кости ручками. Впервые флотилия посетила Сингапур. До сих пор за границу видели ограниченно, почти всегда одну и ту же, география их посещений: Монтевидео, Буэнос-Айрес, иногда заходили в Кейптаун, бункеровались в Гибралтаре, с закрытием Суэцкого канала стали посещать быстро развившийся Лас-Пальмас, по-моряцки, Пальмас. О дешевизне сингапурского Малай-Базара были, конечно же, наслышаны. Встретившиеся на базаре неизбежные водоплавающие земляки советовали китобоям, теперь уже бывшим, податься в Новороссийское танкерное пароходство. По морским слухам в Висмаре спустили лайнер Иван Франко, головное судно серии, в которой пять рысачков-пассажиров, можно попробовать прорываться туда, хотя без волосатой руки шансов мало. Из Владивостока в Японию Славу перегоняли уже дальневосточники. Японцы же из бирмингемской стали, добытой от разделки Славы, возможно, сработали еще одну китобойную флотилию, они наращивали промысел, только в Антарктике работали флотилии Тоннен-Мару-2, Нишин-Мару, Кокио-Мару, Нишин-Мару-2, Кинчию-Мару, Тоннен-Мару. Говорят, японцы промышленляют небольших северных китов в шхерах Гренландии до сих пор.

Окончание

После Славие

История отечественного китобойного промысла в Антарктике, продолжавшаяся сорок лет, закончилась в 87-ом, как и любое другое полезное дело, скандалами и разоблачениями. К зеленому многоголосью Гринписа, общественной организации, оформившейся на первых порах исключительно на китовых скандалах, нежданно присоединились и неокрепшие голоса возмущенных соотечественников. Соотечественников взбудоражила статья Аркадия Сахнина в Комсомольской правде, появление которой санкционировалось на самом высоком уровне, так что и экс-министр пищевой промышленности Анастас Микоян не помог. Соотечественники цивилизованно протестовали, хотя квот Советская Украина никогда не нарушала, да за этим и наблюдатели следили, в соответствии с запретом в 63-ем прекратили охоту на горбачей, в 66-ом на голубых китов, в 78-ом запретили охоту на кашалотов. В одном из последних рейсов, пока кашалоты не были под запретом, уже в тропиках с китобойкой получили радио: Шукаем пробку, это означало, что набрали на кашалотов и осматриваются, ищут плавающую на поверхности амбру, за которую платили чувствительные премии. С флотилии на флотилию кочевала легенда, что какой-то счастливчик получил за амбру приз в 100 тысяч долларов. Наклонных слегка пушистых фонтанов, характерных для кашалотов, было видимо-невидимо. Ветераны и не отрицают - ошалев, устроили спермацетовую бойню, спермацет имеется только в загривке кашалота, у других видов кита его нет. Что подстегнуло, добро из Москвы, или отчаяние от промысловых неудач? Когда цеха работали с полной нагрузкой, обычно климатическую установку выключали из-за дефицита электроэнергии. В жироварнях, температура воздуха зашкаливала за шестьдесят градусов, не выдерживали здоровые парни, останавливалось сердце. В сезон 1965-66 годов в разделочных цехах померло пятеро бедолаг. Отказавшихся работать в каторжных условиях руководство обвинило в том, что медкомиссию купили, когда проходили профотбор. Бунтарей даже заточили в трюме, потом выпустили. После прохождения Босфора отстучали РДО: Примите пакет, ночью перегрузили на транспортное судно цинковые гробы и пришли в парадном строю к причалу под туш оркестров. Разоблачения сдабривали картинками китовых страданий. Смаковали, например, как следом за подругой, которая уже билась на лине, стремился на верную погибель кит - пробирало безотказно. Наверняка, авторов описаний агонии, насильно кормили в анемичном возрасте из ложечки китовым жиром, а они отворачивались, хныкали и кривлялись. Это, как покушать, уйти, не поблагодарив, а потом еще и облаять хлебосольных хозяев. Чернить же себя и каяться, возможно, национальная черта. Приобретенная в 37-ом. Когда уже некого было развенчивать, Леонид Ильич с золотой саблей на култ не тянул, взялись ниспровергать на местах. Алексей Николаевич Соляник был руководителем, заслуженно оцененным временем, но время его заканчивалось, и палуба уходила из-под ног. Речь, пожалуй, по большому счету или счету небольшому, даже не о Солянике, не о кашалотах, и минке, которых промышляли в последние годы, кстати, не нарушая квоты выбоа зубатых китов, а о нашем отношении к громким скандалам. Мы очень жадные до скандалов. Мы захлеб занимались саморазоблачениями, расковыривая язвы. В полосу отчуждения безвинно попали китобой, потом афганцы. Мы жалеем животных охотнее, чем людей, мы подаем, если просят под собак, собаки не так раздражают. Причем, чем тяжелее живется, тем иступленнее клянем ошибки прошлой жизни, переиначиваем собственную историю, хотя как раз вся ценность ее в безжалостной достоверности. Мы гневно протестуем против выбоа антарктических китов, но почему-то миримся с массовым забоем скота за околицей. Сейчас, правда, поостыли, наверное, потому, что уже воротит от разоблачений, этим и пользуются. Однако, результат бойкотирования неприятно пахнущих ворванью фактов уже налицо - юнцы, привыкшие к китобойной мелодии одесских курантов, не знают, кто такой Соляник. И не желают знать. Скандал с бассейном на спардеке, где бултыхалась у разделщиков на виду Светлана Соляник, муссировало совсем другое поколение разоблачителей. Факты имели место, разделщики в знак протеста или смеха ради при купании наяды включали пронзительный ревун. И нравилось капитан-директору, когда его обозначали за глаза батькой. Подхалимы этим пользовались. Было. Иногда, чаще в ситуациях критических, мы аккуратно таковую переживаем, полезно знать резус и группу крови. Если химический состав лимфы человека близок к составу морской воды, то, не исключено, что состав лимфы одесситов конкретно ближе к воде Антарктического океана. 6 января 1948 г. в 16 часов 30 минут на китобазе Слава у супругов Александра и Емельяна Кошелевых родился мальчик. Мальчика нарекли Антарктиком. Известно, что в 1969 г. он был курсантом судомеханического отделения Батумского мореходного училища. Заместителем отделения милиции Центрального района служит подполковник Сергей Буряков. Родители его встретились в рейсе на Славе. Мама Ванда Илларионовна доучивалась в вечерней школе при флотилии. Русалка, нарисованная в присутственном месте Славы, по случаю пересечения экватора, была с личиком Ванды Городинской, это ее девичья фамилия. Темой диплома Буряковой была Героика труда китобоев в профессиональной поэзии. Ее муж второй механик Александр Васильевич Буряков умер в рейсе на вахте, когда сыну Сергею было всего восемнадцать. Из восемнадцати лет сын видел отца в отпусках всего восемь с половиной лет. Демобилизованный после шести лет срочной службы во флоте Владимир Павлович Скрыпник, получил направление на Славу с опозданием, когда база уже маялась на рейде. Денег на буксир у старшины первой статьи не было, он, не долго думая, привязал ремнем форму к голове, сиганул с Андросовского мола и поплыл к своей судьбе. Судьбу он встретил на китобазе в прачечной. Сын Скрыпников Вячеслав Владимирович, Славик, названный, кстати, в честь флотилии, стал известным метеорологом, от бога,- говорят в институте УкрНЦЭМ. Более десятка лет В.Скрыпник ходил на судах службы погоды к точке Чарли в северной Атлантике, участвовал в антарктических экспедициях на Кренкеле, дважды зимовал на полярной станции Академик Вернадский, общался в Антарктиде с внучкой Роберта Скотта, потомками Моусона и Палмера. Когда показывал снимки островов ветеранам- китобоям, они узнавали места, где промышляли в сорок седьмом. Юрий Концерский, он сейчас в рейсе, родился на борту китобазы на переходе из Севморзавода, где флотилия ремонтировалась. Список можно продолжать. Повзрослевшие дети Славы, запускавшие в радостном ионе, когда приходила флотилия, судовые фальшвейры, разбрелись кто куда. Во времена хрущевских новостроек старожилы Китобойной кляли печное отопление, золу, калоши у входа, стремились к цивилизованной чистоте, уезжали повально в ведомственные дома, на Ботаническую, на Чичерина, на Черняховского, на Генерала Петрова, на Хворостина, домов китобоев в городе с десяток. Поселок снялся, как флотилия. В опустевшие приземистые домишки разрешалось въезжать соседям. Приходили грустно поглядеть на брошенные гнезда, находили такой же, как у себя антураж, осколки кораллов, китовый ус, пожелтевшие РДО, снятую на память линейку прицела. Когда в промозглое межсезонье ломило ноги и не спалось, старые гарпуны в этих домишках прокручивали в памяти пережитые мгновения охот: кит - на линейке, кит - на лине, кит - на панере, это когда линь ослаб и можно вирать тушу лебедкой, кит - на флаге. Сейчас там живут считанные потомки, единственный на земле поселок китобоев, фактически перестал существовать. Говорят, домики на Китобойной грозили газифицировать, и съехавшие жалеют.

Избежавшие разделки охотники Бравый (26) и Бесшумный (29) года два-три возили лоцманов на внешний рейд Ильичевска. Для лоцманов китобойцы были удобными, высокий борт облегчал высадку на суда. Охотник Выдержанный перепрофилировали под НИС, научно исследовательское судно, и он в 85-ом участвовал в составе международной антарктической флотилии ходил к Антарктиде. Из двух других охотников соорудили катамаран, соединив их общей рамой. Этот катамаран Эксперимент-1 добывал с шельфа Черного моря фитоплуктор, ценное сырье для Одесского агарового завода. Когда завод закрылся, эксперимент прекратили. От флотилии сохранились три гарпунные пушки, одна из них украшает пансионат Антарктика, вторая торчит перед рыбопромышленным техникумом в Белгороде-Днестровском, третья – возле морского музея в Одессе. Их пока не украли на металлолом. Китобойная экспозиция передана морским музеем рыбпорту, что в Бурлачьей Балке. В актовом зале рыбпорта на полках два чучела кашалотов в масштабе и располовиненные подшивки газеты “Советский китобой”, так что незаслуженное забвение удалось. Правда, порываются создать Арктический музей в сухопутном городе Львове. В этой живописно кудрявой местности, проживают бережливые люди, возможно, эта бережливость развилась от стесненности пространства, они разумно подбирают невостребованные исторические ценности, и, наверное, правильно делают. А мы же пускаем шапку по кругу на памятник стулу. Значит, так нам и надо. В Мариуполе есть памятник бычку-кормильцу, головастой рыбке, которой питались в военной лихолетье, и закусывают с аппетитом в нынешнее скудное время. Нам нет необходимости городить памятник блювалу в натуральную величину, длина голубого кита 22 метра, но поставить на береговой линии памятник землякам-китобоям наш невосполнимый долг. Такой памятник непреклонному мужеству есть в Сандефьорде: из бассейна торчит хвост кита, а на нем поднят из воды вельбот. Гарпунер на обреченном вельботе замахнулся кованым гарпуном, хотя кидать его ему уже не придется. Норвежцы, кстати, до сих пор с большой теплотой вспоминают два года работы на Славе. Евгений Александрович Александров, участвовавший в двадцати одном рейсе на обеих флотилиях и работающий по сегодняшний день лоцманом в Южном, недавно делал проводку норвежского судна к Херсону. Пришли поздно, властей ожидали на борт к утру, и потому стали на якоря. Капитан пригласил лоцмана в каюту коротать остаток ночи, разговорились. Когда Александров вспомнил капитана десяточки Мариуса Якобсена, норвежец достал из стола пожелтевшую фотографию и спросил:

-Похож?

Перед Александровым сидел Якобсен-младший. Если памятник, подобный норвежскому, случится и на берегу Одесского залива, то камнерезам придется потрудиться, вырезая фамилии павших в рейсах на обеих флотилиях. В море похоронены 13 китобоев. Возглавит список потерь Потушинский, слесарь-котельщик, рабочий человек. Помер Иосиф Устинович в пятом рейсе уже на пути домой, сердце не выдержало. Температура в котельном в тропиках поднималась до 70 градусов, этого, к чести летописцев, и не скрывали. Прах, зашитый в парусину предали воде, только если в популярной песне к ногам привязали его колосник, то тело Потушинского повлекл на дно гарпун, принайтованный для тяжести. В списке будет и трагически погибший на вахте в 62-ом моторист Александр Митькин, и пилот вертолета Александр Ищенко с бортрадистом Павлом Назаренко – вертолет Ка-2 упал в Тасманово море в 74-ом. Вертолет рухнул в море через 5 секунд после взлета. Даже не набрал высоту. Отказы винтокрылой техники случались и ранее. Так пилот Виталий Матвеевич Иванов вынужденно плюхнулся в океан, вертолет удержался на поплавках. Когда охотник подоспел на помощь, Иванов дрожал рядом в надувной лодочке. При вирании грузовыми стрелами машину несколько раз ударило о борт базы, ремонту она уже не подлежала. Помимо коллективного риска, скажем, гибели судна в заполярье, чего, к счастью, не произошло ни разу, каждый обрекал себя и на риск персональный в секторе своих обязанностей. Так Валентин Леонидович Юхов, руководитель научной группы, неоднократно летал на разведку китов с Ивановым. Для того, чтобы сэкономить топливо и исследовать большую акваторию в редкие погожие дни, Иванов высаживал Юхова на айсберги, обещая забрать на обратном пути. Айсберг скрывала низкая облачность, Юхов слышал грохот обрывающихся в море глыб, волной на кромку выбрасывало усатых ластоногих, которые скалились на него и ревели. Айсберговый холод пробирал до костей, а вертолет все не было. У Юхова начинались галлюцинации, ему мерещился хлесткий свист винта, казалось, что Иванов ищет его среди россыпи ледяных глыб, но не может найти, и топливо уже на исходе... Юхов сделал двадцать два рейса и был единственным из плававших научных сотрудников, кого наградили двумя медалями Президиума Верховного Совета СССР. Скорбный список потерь продолжат второй механик Александр Буряков, померший прямо на вахте, и капитан-директор Борис Моргун, и погибший от обширного инфаркта кузнец А.Е. Коноулин, и десяток других бедолаг. Увы, китобой не доживают до почтенного возраста, сказывается многолетняя работа в условиях почти непрерывной качки, которая губит ноги, вибрации, магнитных силовых полей, замкнутого пространства, смены часовых поясов, и перепада атмосферного давления во время штормов, самое низкое падение, зарегистрированное на Славе, - 698 миллиметров. Воевавшее поколение первых экипажей Славы попадало с фронтов почти без передышки в Антарктику, истощенным, зачастую израненным, скрывали инвалидность, как ее скрыл гарпунер Василий Иванович Казаков, ныне здравствующий. Казаков вкусил военного лихолетья сверх меры. В 39-ом подался добровольцем во флот, в семье было девять душ детей, всем не прокормиться. Служил сначала на Тихом океане, потом направили в Ленинград в школу боцманов СССР, так торжественно называлась учебка. Войну командир малого охотника Казаков встретил на Черном море. Когда сдавали Новороссийск, золотой и бумажный запас банка вывезли на парусных шхунах, видимо, более надежных плавсредств под рукой не оказалось. Шхуны, шутя потопила немецкая авиация. Охотник Казакова прибыл к месту гибели, когда на воде плавали ошметки парусов. Неожиданно со стороны солнца катер атаковала двухфюзеляжная немецкая летающая лодка. Ленту пулемета заклинило, и командир катера Казаков, отражал атаку самолета из винтовки, разумно спрятавшись за надстройкой. Пушки самолета крошили в шепки бакелитовую фанеру, из которой был сработан катер, пробоины спешно затыкали чопами, катер оставался на плаву. После четвертой атаки (!) самолет вдруг отвернул от жертвы, полетел в сторону берега и... рухнул в море. Обливающегося кровью командира, завернули в одеяло.

- Он аж застыл, когда привезли, - вспоминает Мария Михайловна Казакова, уроженка Одесской области, она тогда стирала окровавленные бинты в госпитале. Из тела Казакова хирурги извлекли 72 осколка. Бравый старшина был награжден орденом, поощрен отпуском по месту службы для поправки здоровья, и в отпуске женился на сразу глянувшейся ему Маше. На Славе Казаков с третьего рейса. Наверяд ли он жаловался товарищам на охотнике, что ноют перед штормом израненные ноги. Да, и кого этим удивить? В первых рейсах едва ли не каждый китобой был участником войны. Так и стоял у гарпунной пушки, нахохлившись, в заледеневших стеганых брюках. Однажды нужно было на хвосте у китовой туши развернуть разъемную скобу цепи на хвосте кита. Казаков стал на кита, поддел скобу ломом, туша колыхнулась на зыби, лом сыграл, и Василий Иванович оказался в воде. Когда Казаков вынырнул в щели между тушами, его, к счастью, заметили и вытащили в последний момент, туши аккуратно сомкнулись, правда, отяпало подошвы сапог. За борт его смывало трижды на обеих флотилиях. Товарищи спасли Казакова, он спасал других. В двенадцатибалльный шторм легко раненый кит потащил фал, он с шуршанием уходил в океан, бешено раскрученный блок, направляющий фал в трюм к пружинам, задымился. Потом фал ослаб, его не успели выбрать, канат

намотался на гребной винт сорок шестого охотника, где гарпунером был Вихорев. Обезумевший финвал, пуская кровавые фонтаны, тащил суденышко за собой, семьдесят две вагонные пружины в трюме, к которым крепится для амортизации фал, натужно скрипели. Тридцать восьмой, на котором был Казаков, поспешил на помощь. Казаков приказал задрать все выходы, чтобы с палубы никого не смыло, остался один и ждал, когда кит будет выходить на волне. Так оно и случилось. Казаков стрелял лежа у пушки, когда охотник карабкался на волну с пятиэтажный дом и попал. Дважды загарпуненный кит едва не раздавил судно, но Казаков сам подвирал добычу, обработал, поставил на флаг. Когда вернулся в надстройку и снял шапку, все замолчали.

- Посмотри в зеркало,- сказали. Он глянул и увидел, что поседел. За подвиг, спасший 44 морские души двух экипажей, Казаков награжден золотой медалью Президиума Верховного Совета. Кости добытого им блювала обтянули брезентом и чучело выставили в павильоне ВДНХ. Испытания гремящими пятидесятыми, стали запредельной нагрузкой в особенности для участников войны, ветеранов-китобоев остались считанные единицы. Три месяца назад на Китобойной помер легендарный гарпунер Алексей Золотов. Говорят, тоже мучился ногами, огорчался, терпел нужду. Другой ветеран закладывал орден Ленина, профиль вождя выполнен из платины, и поэтому орден приняли в ломбард. Наивно надеяться, что о самоотверженных героях вспомнят во Львове. Вспоминают, обычно для реализации какого-то собственного проекта. Так французские документалисты снимали фильм о китобоях, американцев разыскали, японских китобоев, норвежских, потом нагрянули в ведомственный дом на Чичерина. Неведомо как разузнали, что проживает там гарпунер Казаков, а другим в Отечестве и дела-то нет. Забота о памяти героев - дело исключительно кровное, поэтому нам с нашей удивительной лимфой и шевелиться. И хорошо бы, чтоб ставили перед памятником лампадки хотя бы из рыбьего или тюленьего жира, и чтоб воняло ворванью заранее, запах Славы, стоявшей на Старо-Крымской, сшибал еще у Потемкинской лестницы, я помню, хотя был ребенком. А кто будет нос воротить, тому лучше обойти. Хватит стульев! Правда, возникает вопрос, кто будет зажигать лампадки. Третье или четвертое поколение китобоев? Недавно Игорь Завьялов, капитан коммерческого парохода, направлявшегося в в Кейптаун, наблюдал в южной Атлантике большое скопление китовых стад. Обилие косых фонтанов, характерных для кашалотов, ошеломило его, в нем проснулся азарт китобоя, он успел поплавать третьим помощником на охотнике, батюшка же его Иван Завьялов был легендарным капитаном охотника Бесстрашный в составе флотилии Слава. Игорь Завьялов показал на косые фонтаны рулевому матросу.

-Ну и что? – отреагировал тот. О китобойном промысле, матрос конечно, что-то слышал, но считал мероприятие совковым преступлением против живой природы. Возможно ли хоть теоретически возрождение китобойного промысла в Украине? Практически пока финансировать экспедицию для нас неподъемно, потому что снаряжение только одного охотника к макушке земли обходится в 6-7 млн.\$. Теоретически же замахиваться бессмысленно, полувековая китовая бойня нарушила равновесие видов в природе. Высвободившийся пищевой ресурс в виде криля уже давно перераспределен между желеобразными сальпами и кальмарами, другой частью распорядились пингвины и тюлени. Прибавилось голов в южном стаде малых полосатиков, численность которых колеблется от 700 до 900 тысяч. Способствовала тому акселерация минке и смещение диапазона половой зрелости. В живой природе система выведенная из равновесия приходит в другое непохожее равновесие. В этой другой модели места для блювалов, финвалов, горбачей, и прочих гигантов не нашлось, популяция усатых китов не восстановилась даже до той ноты, на которой завершился промысел в 86-ом. Так что рассчитывать на третье поколение китобоев, которые зажгут лампадки, не приходится. А вот сковырнуть памятник героям-китобоям, как Дзержинского на Лубянке – это могут. Или подкорректировать что-то в соответствии с переживаемым моментом. Так на надгробии Алексея Соляника, что на Втором городском кладбище, в названии выгравированной базы заштриховали Советская, осталось только Украина, хотя так назывался трофейный пассажирский пароход. Остается ждать, когда после переоценки интеллекта китообразных, их научатся одомашнивать. Правда, станут ли они от этого счастливее? И мы.

Владимир Каткевич